

Чикурова Ольга Вячеславовна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ "ДЛЯ ОГРАЖДЕНИЯ ИНОРОДЦЕВ ОТ ВЛИЯНИЯ МАГОМЕТАН" (ВОЛГО-КАМЬЕ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

В статье на основе анализа литературы и архивных документов рассмотрена деятельность Русской Православной Церкви по ограждению нерусских народов Волго-Камья от влияния ислама во второй половине XIX – начале XX в. Показаны основные причины "отступнического движения" и влияния мусульман (татар и башкир) на крещёные и языческие народы. Изучены миссионерско-просветительские меры утверждения православия в крае. Проанализировано воздействие "мусульманского вопроса" на изменение характера миссионерской деятельности РПЦ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 205-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY OF CULTURE BY SERGEI IOSIFOVICH HESSEN

Chernyavskaya Olesya Vasil'evna
Nizhnevartovsk State University
scherri-nv@mail.ru

The author analyzes the transcendental philosophy of culture of one of the Russian neo-Kantian thought main representatives – Sergei Iosifovich Hessen, reveals the connection of his philosophy with the ideas of the German neo-Kantianism, considers the specific features and key themes of his philosophical creative works, and pays particular attention to the study of the problem of culture in Hessen's philosophy, revealing its transcendental foundations through the notion of personality, formed in the process of the man's inclusion into the world of transcendental values.

Key words and phrases: culture; personality; the German neo-Kantianism; the Russian neo-Kantianism; freedom; transcendentalism; value.

УДК 266.3

Исторические науки и археология

В статье на основе анализа литературы и архивных документов рассмотрена деятельность Русской Православной Церкви по ограждению нерусских народов Волго-Камья от влияния ислама во второй половине XIX – начале XX в. Показаны основные причины «отступнического движения» и влияния мусульман (татар и башкир) на крещёные и языческие народы. Изучены миссионерско-просветительские меры утверждения православия в крае. Проанализировано воздействие «мусульманского вопроса» на изменение характера миссионерской деятельности РПЦ.

Ключевые слова и фразы: Русская Православная Церковь; православие; ислам; язычество; миссионерство; противомусульманская деятельность; крещёные инородцы; народы Волго-Камья; этноконфессиональное взаимодействие.

Чикурова Ольга Вячеславовна, к.и.н., доцент

Саратовский политехнический институт (филиал)

Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашиникова

chikurova@mail.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
«ДЛЯ ОГРАЖДЕНИЯ ИНОРОДЦЕВ ОТ ВЛИЯНИЯ МАГОМЕТАН»
(ВОЛГО-КАМЬЕ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)[©]**

Взаимоотношения Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) с исламом и мусульманским населением края во второй половине XIX – начале XX в. представляют особый интерес в связи с активизацией этноконфессионального взаимодействия в современном мире.

В истории России между государством и мусульманскими подданными, РПЦ и мусульманским духовенством, православными и мусульманами на протяжении веков складывались непростые, но вполне терпимые отношения, вместе с тем, активное взаимодействие шло всё время [32, с. 175]. Государственная политика была направлена на избежание нежелательной (и опасной) конфронтации с мусульманским населением. Правительство осознавало необходимость сотрудничества с мусульманами. Отношение Российского государства и РПЦ (как его составляющей) к исламу и мусульманским подданным менялось в зависимости от приоритетов внешней и внутренней политики. Формы и характер взаимоотношений православия и ислама зависели от конкретных исторических обстоятельств и политического контекста.

Существование в рамках православного государства обособленной исламской культуры препятствовало политике «сближения инородцев с русскими», языковой и культурной унификации народов России. Миссионеры высказывали единодушное мнение о том, что слияние православных и мусульман возможно лишь при условии обращения последних в православие: «В деле слияния инородцев-мусульман с русскими главное значение имеет религия: пока первые исповедуют ислам, до тех пор в нашем отечестве они будут представлять нечто особенное, отдельное от коренного населения, напротив, принятие ими православия само собой приобщит их не только к нашей вере, но и к нашей гражданственности» [5, с. 13].

Усиление мусульманской пропаганды и рост исламского влияния в регионе, массовые возвращения в ислам крещёных татар и «отпадения» крещёных инородцев (удмуртов, марийцев, чуваш) заставляли правительство и церковь обратить пристальное внимание на постановку миссионерской деятельности в Волго-Камье. Исламский фактор являлся одним из основных стимуляторов активизации миссионерской работы [30, с. 179].

Для предотвращения отпадений в ислам и «ограждения инородцев от растлевающего влияния мусульманской пропаганды» [6, с. 71], что вполне реально «угрожало уже опасностью – поглотить всё население края в мусульманской культуре и татарской народности» [21, с. 108], требовалось перестроить всю систему миссионерской работы. Особая роль в этом деле отводилась противомусульманскому отделению Казанской духовной академии, учрежденному в 1854 г., и Братству святителя Гурия, созданному в 1867 г. в Казани «для служения нуждам и пользам Православной церкви, для противодействия посягательствам на ея права со стороны иноверцев... для распространения и утверждения духовного просвещения» [26].

В то же время мусульманская религия, как серьёзный конкурент православию в Волго-Камье, вынуждала власть считаться с её интересами и крайне осторожно подходить к организации миссионерской работы среди народов края.

Изменения в постановке миссионерской деятельности выразились, кроме прочего, в основании в 1870 г. Православного миссионерского общества (далее – ПМО) во главе с митрополитом Московским Иннокентием (Вениаминовым). Главная цель общества состояла в том, чтобы содействовать православным миссиям в деле обращения в православие «обитающих в пределах Российской империи нехристиан», в основном в Восточной России. Были учреждены епархиальные комитеты ПМО: в 1870 г. в Вятке, в 1873 г. в Перми, в 1878 г. в Уфе и др. Начинается издание специальных миссионерских журналов: «Миссионер», где, в частности, публиковались ежегодные отчёты о деятельности ПМО, «Миссионерское обозрение», «Миссионерский противомусульманский сборник», «Православный благовестник», «Православный собеседник», «Сотрудник Братства Святителя Гурия» и др., в которых публиковались статьи, содержащие предложения по совершенствованию православной миссии, критический разбор исламского вероучения и призывы к более активной противомусульманской деятельности [4; 5; 15; 28].

Для распространения и утверждения православия среди нехристианского населения епархиальными комитетами ПМО и братствами принимались всевозможные меры, но, к сожалению, разного рода препятствия значительно снижали их успех. Основным препятствием миссионерской деятельности РПЦ была специфическая этническая картина Волго-Камья: крещёные (но ещё не до конца утвердившиеся в христианской вере) и некрещёные инородцы проживали дисперсно среди мусульманского населения, значительное количество поселений в контактных зонах: Казанский, Мамадышский и Тетюшский уезды Казанской, Бирский, Белебеевский и Мензелинский уезды Оренбургской (с 1865 г. Уфимской), Красноуфимский и Осинский уезды Пермской, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губерний и др. было этнически смешанным (татарско-удмуртские, марийско-удмуртские, марийско-удмуртско-чувашские, кряшенско-чувашские, русско-удмуртско-марийские, русско-удмуртско-башкирские и др.). Как следует из анализа архивных материалов, большинство принявших ислам являлись жителями именно смешанных и смежных с мусульманами поселений.

В 1860-1870-е гг. «отпадения» захватили не только крещёных татар, но и некоторые языческие народы, особенно чувашей, марийцев и удмуртов, которые не «возвращались» к вере своих предков, а принимали ислам. «Отступническое движение» распространилось на территории Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской губерний [29, д. 612, л. 1 об.], т.е. там, где указанные народы проживали среди численно превосходящего мусульманского населения – татар и/или башкир.

Во второй половине XIX – начале XX в. власти с большей озабоченностью, чем в предыдущий период, стали следить за судьбой инородцев-язычников, на которых посягает ислам. Как образно выразился епископ Вятский и Слободской Филарет: «Вся эта масса стоит на распутье, колеблющаяся и шатающаяся. А вдали уже надвигается гроза: прекрасно оборудованная фанатичная пропаганда ислама» [8, д. 130, л. 48]. Действительно, усиление религиозного влияния мусульман на инородцев (язычников и крещёных) и их исламизация стали объективной реальностью. Как справедливо отмечал М. А. Миропиев: «Будучи ещё недавно язычниками, вотяки и черемисы всё более и более становятся мусульманами, чему особенно способствуют рьяные пропагандисты ислама – татары» [17, с. 19]. Вице-губернатор Казанской губернии Е. А. Розов в 1866 г. в своём представлении министру внутренних дел Валуеву писал, что «...после усвоения татарского языка, при свойственной татарам пропаганде, они принимают магометанскую веру и окончательно сливаются с татарами-магометанами, увеличивая таким образом массу этого народонаселения» [27, с. 302-309].

Стремясь препятствовать активному процессу обращения удмуртов и марийцев в мусульманство, церковные и государственные власти были вынуждены принять радикальные меры: запретили инородцам-язычникам вступать в брак с магометанами и иметь магометанские имена, муллам – обучать их детей в магометанских училищах [31, с. 595]. Для борьбы с язычеством в Оренбургской епархии Св. Синод счёл нужным предложить «меры двоякого рода: одни – для просвещения идолопоклонников евангельским учением, другие – для отклонения... препятствий внешних в этом деле; для образца велено руководствоваться постановкой дела миссии в епархиях Вятской и Пермской» [Там же].

Священники в один голос заявляли, что «гласное проповедание христианского учения язычникам, живущим отдельными селениями, и их крещение не представляют затруднения, но миссионерские действия в тех местностях, где обитают совокупно язычники и магометане, требуют особенной осторожности...» [1, с. 599]. Как писал Я. Д. Коблов, «влияние ислама между язычниками – чувашами и черемисами начинает прогрессивно обнаруживаться и даёт себя почувствовать повсеместно, где они живут совместно с татарами или окруженными ими» [13, с. 3]. С сожалением миссионеры отмечали, что «вотяки, живущие среди магометан, охотнее приняли бы обряды магометан, чем христиан, т.к. знают мусульманское наречие, свыклись с их верою, потворствующей чувственным их наслаждениям и многожёнству» и подчёркивали, что «мусульмане, находясь со многими из них в дружеских отношениях, скрыто подстрекают их к упорству и отказу от христианства» [31, с. 602].

Профессор Казанской духовной академии М. А. Машанов отмечал, что «всякий татарин-мусульманин считает себя обязательным по мере сил и средств своих содействовать распространению и укреплению ислама, не оставляя этого дела на попечение одних только мулл, как, к несчастью, русское дело распространения и утверждения христианства оставляют на долю только духовных лиц» [16, с. 244].

Несмотря на принимаемые правительством и РПЦ меры, омусульманивание язычников не прекращалось. В июле 1909 г. Казанский епархиальный инородческий миссионер о. Сергей (Багин) представил епископу Мамадышскому Андрею обстоятельный доклад «Об отпадениях в магометанство крещёных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления», в котором сообщалось, что «татары требуют от принявших ислам инородцев безусловного отречения от своей национальности, языка и обычаев. Переход в магометанство все приволжские инородцы выражают словами: —мы ушли в татары», или —они ушли в татары» [2, с. 29].

В последующие годы о. Сергей служил миссионером-проповедником в Пермской епархии, в которой наметилась аналогичная ситуация. В одном из отчётов о состоянии инородческой миссии он сообщает, что «вотьяки-язычники находятся под большим влиянием магометанства» [9, д. 28, л. 15 об.]. «Вотьяки-магометане настроены крайне фанатично; они отреклись не только от языческих верований, но и от национальной одежды и языка и называют себя —башкурами»...» [Там же].

Сходные процессы наблюдались и в Казанской губернии. Православие и ислам здесь издавна соперничали, стараясь привлечь как можно больше инородцев-язычников на свою сторону. Процесс отатаривания происходил также интенсивно, т.к. «вотские деревни находятся среди сплошного магометанского населения, и почти в каждой вотской деревне можно видеть одну или несколько мечетей. На базарах и в торговых сношениях татарский язык преобладает» [3, с. 57]. Как следует из многочисленных источников, казанские татары ассимилировали немало мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов. Так, в Казанской губернии с 1795 по 1913 гг. общая численность населения увеличилась на 233,7%, численность мордвы – на 190,2%, марийцев – на 171,5%, удмуртов – на 135,5%, татар – на 352,2% [10]. Столь превосходящие темпы роста численности татар невозможно объяснить только их естественным приростом, вероятно, численность возросла благодаря активной ассимиляции ими соседних народов. Как отмечает о. Сергей: «Быстрый рост численности татар-магометан указывает на то, что, кроме обычного естественного прироста, к магометанской группе присоединилось значительное число других инородцев, скрывающих свою национальность и именующихся уже исключительно —татарами» [2, с. 7]. Это особенно заметно «в селениях татар, живущих по соседству с другими инородцами: то он напоминает чувашский – с преобладающим смуглым цветом лица, то черемисский – с тощею растительностью на бороде и белокурым цветом волос, то добродушный вотский – с рыжими волосами и веснушками на лице» [Там же, с. 5].

В соперничестве православия и мусульманства выдвигалась борьба за культурное доминирование в Волго-Камье. При переходе язычников в ислам, вопрос состоял не столько в выборе правильной веры с теологической точки зрения, сколько в решении, какая религия соответствовала их потребностям, то есть в выборе подходящего образа жизни. При этом большое значение имело широко распространенное в инородческой среде мнение о преимуществах татарской веры над русской [32, с. 176].

Усиленная пропаганда мусульманами ислама (которые, по выражению Коблова, использовали все возможные и невозможные средства: «и ласку, и угрозу, и материальную помощь, и проповедь, и причинение ущерба» [13, с. 5]) приводила к тому, что всё больше финно-угорских народов склонялись в сторону магометанства, десятки населённых язычниками деревень были мусульманизированы, а их жители просили официального разрешения властей на принятие ислама. Это вызывало особую обеспокоенность церковных и светских властей.

По твёрдому убеждению многих миссионеров, мусульманская религия «оказывала сильное воздействие на инородческие племена – чуваш, черемис и вотьяков» [Там же]. Инородцы, проживающие в окружении мусульманских деревень, всецело находились во власти татар, в чьих руках были сосредоточены обучение, торговля и многие промыслы. В источниках также встречаются сведения о том, что зачастую на предприятиях, принадлежащих мусульманам, работали представители крещёных инородцев, многие из которых впоследствии «отпадали» в ислам [30, с. 180]. Таким образом, мусульманская пропаганда шла посредством простых житейских сношений [21, с. 22]. Процесс ассимиляции татарами инородцев происходил довольно быстро: «Татарский язык он уже давно знает; а теперь и физиономия его исподволь принимает облик татарский; он начинает подстригать усы, носить рубаху с татарским воротником и тюбетей, а с устройством в инородческой деревне мечети, инородцы окончательно прикреплялись к магометанской общине – умме» [13, с. 16]. Состоятельные купцы-татары нередко жертвовали деньги «отступникам». Обращённые в ислам и отатарившиеся инородцы снабжались татарами всем, что необходимо для их жизненного благополучия, благодаря чему они становились богаче и влиятельнее других. По свидетельству Коблова: «Религиозное состояние вотьяков Казанской губернии печально... Многие из них склонны к исламу, почти все они говорят по-татарски» [Там же, с. 24]. Как отмечает Н. А. Бобровников, «вотьяки любят говорить на этом языке, как на языке более образованного народа» [3, с. 46].

В Красноуфимском и Осинском уездах Пермской губернии мусульманское влияние башкир и татар на удмуртов и марийцев усиливалось экономическими условиями: «Они были вынуждены арендовать землю у башкир» [9, д. 28, л. 3 об.]. Боязнь остаться без земли подталкивала «колеблющихся» к принятию веры состоятельных соседей.

По сравнению с Казанской, Уфимской и Пермской губерниями, инородцы, проживавшие в Вятской губернии, не испытывали столь сильного влияния мусульман. Темпы отатаривания здесь были на порядок

меньше «благодаря тому, что в большинстве живут отдельно от татар и многочисленнее их» [13, с. 25]. Однако влияние ислама на марийцев, удмуртов, бесермян наблюдалось и здесь, особенно в таких уездах, в которых много мусульман: Елабужском, Малмыжском и др.

Представители РПЦ, обеспокоенные усилением ислама и начавшимся «отступническим движением», активизировали в конце XIX в. миссионерско-просветительскую деятельность среди инородцев Волго-Камья: в Вятской, Казанской, Пермской и Уфимской губерниях, стремясь противопоставить магометанскому просвещению христианское, т.к. верно полагали, что необходимы не только так называемые «предохранительные меры», но и культурно-просветительные. Миссионеры были убеждены, что распространение влияния ислама во многом происходит «благодаря обилию мусульманских школ» [19, д. 121818, л. 5 об.]. Так, в 1885 г. в Казанской губернии одно медресе приходилось на 902 жителей-мусульман, тогда как для прочего населения одна школа приходилась на 1788 человек [14, л. 7], в Вятской губернии одна школа – на 1696 человек [Там же, л. 3 об.], чего было явно недостаточно. В период с 1885 по 1910 гг. количество школ в Вятской губернии увеличивается примерно в 3,5 раза (с 330 до 1184) [7, д. 950, л. 3 – 3 об.], в Казанской губернии с 1885 по 1907 гг. – примерно в 2,7 раза [14].

Несмотря на то, что мусульманская религия была лишена возможности ведения официальной миссионерской работы, пропаганда ислама среди нерусских народов Волго-Камья не прекращалась. По справедливому замечанию миссионеров, преимуществом ислама является необыкновенно большое количество «пропагаторов» – «почти каждый мусульманин является в жизни проповедником ислама» [19, д. 121818, л. 5 об.], «начиная с последнего нищего и кончая богатейшими купцами» [8, д. 130, л. 48 об.]. Немаловажной причиной усиления влияния ислама в Волго-Камье было распространение религиозной мусульманской литературы [18, ед. хр. 483, л. 27]. «Благодаря доступности по цене газеты эти широко распространены среди деревенской массы. Торгуют ими простые торговцы на деревенских и сельских базарах. Кроме газет и журналов издаются ещё брошюры специально для пропаганды ислама на татарском языке. Иногда брошюры печатаются русским шрифтом» [8, д. 130, л. 48 об.].

Как альтернатива усилению ислама в крае разворачивается активная противомусульманская пропаганда православных миссионеров, учреждение братских школ, распространение православной литературы. В 1899 г. Казанская духовная консистория издала приказ об обязательных съездах духовенства в каждом уезде Казанской губернии из священников приходов инородческих, сектантских и раскольнических [20, д. 34, л. 11].

После обнародования Манифеста Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. [25] по приказу обер-прокурора Св. Синода епархиальные миссионеры должны были регулярно предоставлять следующие сведения о количестве отпадений и их причинах [19, д. 122760, л. 2]. Инородческие священники-миссионеры вырабатывали меры противодействия распространению ислама и отступничеству в вверенных им приходах. Ведомости о совратившихся из православия в раскол, магометанство и язычество аккуратно (начиная с 1907 года) предоставлялись приходскими священниками в Казанскую духовную консисторию, о чём свидетельствуют архивные материалы.

Такое пристальное внимание к «мусульманскому вопросу» со стороны властей было оправдано тем, что после провозглашения вероисповедальных свобод усилилась религиозная пропаганда в духе ислама и тюркизма, «татары-магометане почувствовали себя ещё сильнее и их стремления к татаризации инородцев оживились, при чём на невежественную инородческую массу фанатичные татары действовали всеми способами, внушая слабым, что отпадение от православия будто бы производится по желанию Самого Монарха» [14, л. 25]. Манифест от 17 апреля был однозначно истолкован мусульманами как легитимация перехода крещёных татар и язычников в ислам. В Казанской епархии на протяжении всего 1906 г. заседала Комиссия по вопросу об инородческой миссии. В протоколе заседания Комиссии от 18 октября 1906 г. записано, что «отступническое движение наблюдается в 12 крещёно-татарских селениях, имеет массовый характер; наблюдаются единичные случаи отпадения крещёно-инородческого населения в магометанство и значительного влияния ислама в таких местностях, где казалось, христианство уже упрочилось» [19, д. 121818, л. 5 об.]. Обсуждая вопрос о причинах отпадения крещёных инородцев в мусульманство и о причинах его успеха среди инородцев крещёных и язычников, члены Комиссии пришли к выводу, что «эти причины усматриваются как в свойствах ислама как религии, так и в той стройной организации, какой отличается мир ислама, и этот религиозный культ решительно побеждает и подчиняет себе инородцев, неимущих своего исторически создавшегося культа, таковы инородцы: черемисы и вотяки» [Там же]. Действительно, «влияние татар на вотяков так велико, что со дня объявления Манифеста о веротерпимости многие вотяки безвозвратно ушли в магометанство» [9, д. 28, л. 37 об.].

В целях противодействия влияния ислама на инородцев в 1907 г. в Казани было учреждено Центральное миссионерское управление в лице Братства св. Гурия, в инородческих приходах Казанской епархии – Миссионерские комитеты [19, д. 121818, л. 18]. В обязанности Миссионерских комитетов входило: сбор сведений о числе отпадших в ислам или «иные религиозные заблуждения», обсуждение причин отпадения, принятие мер к их прекращению, а также к «поднятию религиозного духа в прихожанах» [Там же]. Особое внимание Св. Синода было обращено на местности, где совместно с мусульманами проживали язычники. Согласно указа Св. Синода от 13 ноября 1910 г., в Кунгурском, Красноуфимском и Осинском уездах Пермской губернии, где проживали язычники удмурты и марийцы, были учреждены инородческие миссионерские станы-приходы, целью которых было «христианское просвещение язычников епархии» [9, д. 29, л. 6].

В рассматриваемый период к мусульманским делам, принявшим политический характер, стал проявлять внимание Департамент полиции МВД. Для обсуждения мусульманского вопроса и разработки правительственных

мероприятий при МВД стали созываться особые межведомственные совещания. Так, в январе 1910 г. по инициативе П. А. Столыпина было создано «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае», вызванное усилением мусульманской пропаганды со времени объявления вероисповедной свободы. В протоколах «Особого совещания» отразилась яростная дискуссия о мерах борьбы с мусульманским влиянием, пантюркистскими и панмусульманскими идеями, о целесообразности дальнейшего применения системы Ильминского [23], которая велась между участниками, что в итоге помешало выработке единой концепции развития противомусульманской деятельности РПЦ в крае.

В то же время в церковных кругах созрела идея проведения миссионерского съезда. Первый инородческий миссионерский съезд состоялся в Казани летом 1910 г. В нём участвовали члены Святейшего Синода, высшие иерархи, миссионеры, приходские священники, профессора миссионерского отделения Казанской Духовной Академии. Центральное место на съезде занял мусульманский вопрос и методы борьбы с исламом. Как и в Особом совещании, основное внимание было обращено на Приволжский край, где противостояние ислама и православия виделось наиболее напряжённым. Так, Н. П. Остроумов в своём докладе отмечал, что «хотя мусульманский вопрос», интерпретируемый как проблема противостояния ислама и православия, «имел в России многовековую историю, именно в последнее время он приобрёл столь серьёзное политическое значение, угрожая основам российской государственности» [24, с. 678]. По мнению докладчика, правительство должно занять чёткую позицию по отношению к мусульманской проблеме, руководствуясь, с одной стороны, принципами веротерпимости, с другой, принципом первенства православия и русской культуры. По мнению Остроумова, борьба с исламом должна являться «не только делом церкви, но также государства и всего русского общества» [Там же].

Участники съезда единодушно отметили невероятную устойчивость ислама, причинами которой были названы «усиленная пропаганда ислама среди инородцев – устная и письменная; своеобразная постановка учебно-воспитательного дела в мусульманских школах» [9, д. 121818, л. 5 об.]. Конкретные мероприятия, выработанные в противомагометанском отделе съезда, касались общего подъёма религиозной жизни в приходах, усиления религиозного направления в «инородческих» школах в духе системы Ильминского, организации переводов православной литературы на «инородческие» языки, издания литературы, критикующей ислам [22, с. 181]. Предполагалось, что практика созыва миссионерских съездов станет постоянной, но начавшаяся Первая мировая война помешала осуществлению этих планов. Окончательно противомусульманская деятельность РПЦ в Волго-Камье прекратилась в связи с революционными событиями 1917 г.

В заключение отметим, что несмотря на прилагаемые усилия по ослаблению влияния ислама в Волго-Камье РПЦ не удалось добиться возвращения в православие основной массы «отпавших», прекратить процесс исламизации представителей местных народов. Многие народы края, находящиеся в политическом отношении под русско-православным влиянием, в социокультурном отношении испытывали существенное, а в некоторых вопросах и преобладающее воздействие мусульманского окружения, т.к. ислам прочно вошёл в психологию и быт народа, тесно переплетаясь с национальными традициями, регулировал общественные, межличностные, семейно-брачные, имущественные отношения, был источником права, включал в себя устойчивую систему передачи знаний. И хотя различные политические силы по-разному определяли регламент сожительства православных, мусульман, язычников, в течение длительного периода в Волго-Камье усилиями всех народов была создана самобытная система духовных ценностей, позволяющая сосуществовать разным религиям и верующим.

Список литературы

1. **Архив Оренбургской архивной комиссии, дело 1853 г.** // Оренбургская епархия. Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1903. Вып. 2. 1161 с.
2. **Багин С.** Об отпадении в магометанство крещёных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления. Казань: Центральная типография, 1910. 38 с.
3. **Бобровников Н. А.** Инородческое население Казанской губернии. Казань, 1899. Вып. 1. 57 с.
4. **Виноградов Е.** Метод миссионерской полемики против татар-мусульман // Миссионерский противомусульманский сборник. Казань: Университетская тип., 1873. Вып. 1. С. 1-86.
5. **Виссарион (иеродиакон).** Вопрос о возможном слиянии мусульман и инородцев с коренным населением Русской империи // Православный благовестник. 1900. № 9. С. 10-15.
6. **Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 годы.** СПб., 1895. 157 с.
7. **Государственный архив Кировской области (ГАКО).** Ф. 574. Оп. 1.
8. **ГАКО.** Ф. 852. Оп. 150.
9. **Государственный архив Пермской области (ГАПО).** Ф. 199. Оп. 1.
10. **Димитриев В. Д.** О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. С. 39-43.
11. **Епископ Андрей.** Помогите, кто может! // Сотрудник Братства св. Гурия. 1911. № 17.
12. **Из истории национальной политики царизма** // Красный Архив. 1929. Т. 4 (35). С. 107-127.
13. **Коблов Я. Д.** О татаризации инородцев Приволжского края. Казань: Центральная типография, 1910. 27 с.
14. **Коллекция печатных записок библиотеки РГИА.** Папка 2829. Всеподданнейшие отчёты губернатора Казанской губернии за 1885-1907 гг.
15. **Малов Е.** Православная Противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой пол. XIX в. // Православный собеседник. 1868. Ч. I-III.
16. **Машанов М. А.** Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам // Миссионерский съезд в г. Казани (13-26 июня 1910 года). Казань: Центральная типография, 1910. С. 235-335.
17. **Мироппев М. А.** О положении русских инородцев. СПб., 1901. 21 с.

18. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 2.
19. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1.
20. НАРТ. Ф. 4. Оп. 131.
21. Николай Иванович Ильминский. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 137 с.
22. Нумеров Н. В. Казанский миссионерский съезд // Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 13.
23. «Особое совещание» по Приволжскому краю: противодействие империи // Татарстан. 1992. № 9-10. С. 26-44.
24. Остроумов Н. П. Колебания русского правительства во взглядах на миссионерскую деятельность православной русской церкви // Сотрудник Братства св. Гурия. Казань, 1910. № 42.
25. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1908. Т. XXV. 1905. № 26125-26126.
26. ПСЗРИ. СПб., 1867. Т. XXXIX. 1864. № 40863.
27. Представление Казанского губернатора на имя министра внутренних дел от 20 августа 1866 года // Казанская Центральная крещёно-татарская школа: материалы для истории христианского просвещения крещёных татар. Казань, 1887.
28. Раев П. Признаки истинности православного христианства и лживости мухамеданства // Миссионерский противомусульманский сборник. 1875. Вып. 9.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 421.
30. Таймасов Л. А. Исламский фактор в практике православного миссионерства во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 179-182.
31. Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 2 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. X. 1058 с.
32. Чикурова О. В. Исторические аспекты взаимодействия ислама, христианства (православия) и язычества в Волго-Камье (на примере удмуртского этноса): дисс. ... к.и.н. Ижевск, 2004. 243 с.

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ACTIVITY ON “SAVING FOREIGNERS
FROM THE MOHAMMEDANS INFLUENCE” (THE VOLGA-KAMA REGION,
THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)**

Chikurova Ol'ga Vyacheslavovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Sarapul Polytechnic Institute (Branch) of Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov
chikurova@mail.ru

The author, basing on the analysis of literature and archival documents, considers the Russian Orthodox Church activity on saving the non-Russian peoples of the Volga-Kama region from the influence of Islam in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century, shows the basic reasons of “apostate movement” and the influence of the Muslims (the Tatars and the Bashkirs) on baptized and pagan peoples, studies the missionary-enlightening measures of Orthodoxy consolidation in the region, and analyzes the influence of the “Muslim question” on changing the nature of the missionary activity of the ROC.

Key words and phrases: the Russian Orthodox Church; Orthodoxy; Islam; paganism; missionary; anti-Muslim activity; baptized foreigners; peoples of the Volga-Kama region; ethno-confessional interaction.

УДК 343.348

Юридические науки

В статье проведен уголовно-правовой и криминологический анализ преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Показана общественная опасность данного преступного деяния. Отражены проблемы, возникающие при квалификации преступлений, связанных со склонением к потреблению наркотиков. Предложен комплекс мер, направленный на предупреждение (минимизацию) таких преступлений и их последствий.

Ключевые слова и фразы: здоровье населения; преступления против здоровья населения; склонение к потреблению наркотиков; психотропные вещества; сильнодействующие вещества; аналоги наркотиков; наркомания; наркотизм.

Шалагин Антон Евгеньевич, к.ю.н., доцент
Казанский юридический институт МВД России
aeshalagin@yandex.ru

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ[®]**

Ответственность за склонение к потреблению наркотиков предусмотрена ст. 230 УК РФ. Объектом таких преступлений выступает здоровье населения. Здоровье населения в уголовно-правовом контексте представляет